

К ТРОТУАРУ, что возле памятника Пушкину, подъехала машина. Из нее вышли девушка в белом свадебном наряде и молодой человек в строгом черном костюме. Новобрачные! Они подошли к памятнику поэту, и невеста бережно положила к подножию небольшой букет цветов. Несколько мгновений оба стояли молча, затем нежно обнялись, поцеловались, словно давая друг другу безмолвную клятву любви и верности на всю жизнь. Помедлив еще несколько мгновений, они низко поклонились поэту и медленно, словно боясь суетой нарушить свой душевный настрой, направились к поджидавшей их машине. Все это было не напоказ, не ради красивой позы, а для себя, для души, по трепетному зову любви, на добрую память о счастливом дне своей жизни. Наблюдавшим эту сцену она, по всей видимости, пришлась по душе, и они мысленно проводили молодых людей добрыми пожеланиями.

В каждодневном потоке впечатлений такие события не растворяются в памяти. Они всегда оставляют в ней живую отметину, как проявления нашей неизменной любви к великому поэту. И они всегда рождают ответную волну мыслей, чувств, настроений. Порой достаточно бывает одного какого-нибудь выразительного штриха, чтобы с новой силой испытать чувство трепетного приобщения к заветной музе поэта.

Уже десятки лет я бережно, как драгоценную реликвию, храню тетрадь с ролью Сальери в пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери», шедшей в тридцатых годах на сцене Малого театра. Все странички роли испещрены моими заметка-

У ПАМЯТНИКА

ми. Образ Сальери, несмотря на то, что эту роль я уже давно не играю, продолжает тревожить мое актерское воображение. Влекомый гением Пушкина, я мысленно обновляю интонационную композицию роли, изобретаю новые игровые моменты, погружаюсь в мир тягостных переживаний Сальери. Невольно начинаю шепотом произносить пушкинский текст и лишь изредка, в порыве творческого увлечения, некоторые фразы произношу вслух, почти в полный тон, смущенно спохватываясь и лоя при этом недоумевающие взгляды моих соседей по скамье возле памятника Пушкину. Что делать!.. Такова исконная актерская привычка: работать над ролью в любых «предлагаемых» обстоятельствах...

Мысленно возложив к памятнику и свои полные любви и преклонения цветы, я уже собрался уходить, как мое внимание привлекла группа мужчин, женщин, детей. Все они держали в руках большие, пышные букеты цветов. В отличие от новобрачных с ними был и фотограф. Перед съемкой они о чем-то посоветовались с фотографом. Он согласился кивнул головой, и съемка началась. Как потом выяснилось, задача фотографа заключалась в том, чтобы в момент возложения цветов отчетливо видны были и лица позирующих. Итак, вся группа разместилась возле памятника. Руки с цветами широко протянулись к постаменту, головы одновременно круто повернуты на аппарат фотографа. На

мгновение все они в таком виде застывали в кадре, имитируя момент возложения цветов. Было сделано несколько фотовариантов, но основная «мизансцена» оставалась неизменной: руки с цветами в направлении памятника, широко улыбающиеся лица к фотографу. И никого из участников съемки, ни самого фотографа не смутили нарочитость этих поз, их неестественность, карикатурность. Главное, чтобы на всех фотографиях все выглядело как можно картиннее. Причем один из этой группы — толстяк в берете — все время дымил папиросой. Так он и будет красоваться на всех снимках с зажатой в зубах папиросой. И всем участникам этой съемки было невдомек, что одновременно на всех фотографиях был запечатлен и один из вариантов мещанства — многоликого, живучего, цепкого мещанства. Его малейшее прикосновение к самому прекрасному, возвышенному способно тотчас же оставить на нем налет обывательской пошлости.

...Уходя, я снова оглянулся на цветы. Пышные букеты, несмотря на всю их декоративность, красочность, показались мне в эти мгновения безжизненными и поблекшими. Мое сердце безраздельно было отдано скромному букету новобрачных, так трогательно прильнувшему к мрамору постаменту памятника великому поэту.

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР.

«Сов. культура», 1975, 16 дек